

БЕДИНА Наталья Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры культурологии и религиоведения
Северного (Арктического) федерального университета
имени М. В. Ломоносова,
Архангельск, Российская Федерация

Natalya N. BEDINA

Cand. Sci. (Russian Literature), Assoc. Prof.,
Lomonosov Northern (Arctic) Federal University,
Arkhangelsk, Russian Federation,
bedina-nat@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1613-4164

УДК [930.85:271.2-5]:821.161.1"10/11"
ГРНТИ 13.09.00
ВАК РФ 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.007

«Поучение» Владимира Мономаха в контексте духовного содержания Великого поста

Vladimir Monomakh's "Homily" in the Context of the Spiritual Content of Great Lent

Статья посвящена анализу «Поучения» князя Владимира Мономаха и, в частности, его письма к Олегу Святославичу Черниговскому, завершающего «Поучение». Последовательно проанализированы концепты, отраженные в тексте этого послания. Опираясь на двоякость толкования слова «исповедь» в древнерусском языке, исследователь отмечает, что письмо Мономаха – это одновременно поучение и покаяние. Идейный стержень всего сочинения при этом составляет нравственный выбор князя. В послании выделено пять смысловых моментов: определение нравственного выбора, апелляция к концепту семьи, обращение к опыту предшествующих поколений, покаяние и утверждение надежды на спасение души. Изучение фрагмента, с которого начинается свое «Поучение» Мономах, предпринятое на основе метода структурно-семантического анализа, показывает, что основу произведения определило великопостное богослужение. Литературный памятник обладает универсальными характеристиками служебного текста – соборностью (публичностью) и эсхатологизмом.

Ключевые слова: Владимир Мономах, «Поучение», служебный текст, богослужение, семантическая структура, соборность, эсхатологизм, нравственный выбор.

Знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха привлекает внимание исследователей начиная с XIX в. Наиболее авторитетное исследование текста «Поучения» в отечественной дореволюционной науке принадлежит Н. В. Шлякову [8]. В советский период исследова-

ние Шлякова, обратившего особое внимание на связь сочинения Мономаха и богослуженных текстов Великого поста, по известным причинам не получило продолжения. В поле зрения таких ученых, как А. С. Орлов, Н. В. Понько, Д. С. Лихачев, В. В. Кусков, находились,

прежде всего, проблемы жанровой природы текста и морально-этическая идея князя Владимира Мономаха. В современном научном дискурсе не утрачивают актуальности исследования поэтики «Поучения» и его историко-культурного контекста [7; 4]. Настоящее исследование ставит перед собой цель, опираясь на разработанный в современной науке метод структурно-семантического анализа текста, вернуться к идее Н. В. Шлякова о внутренней связи «Поучения» с великопостным богослужением и определить основные смысловые составляющие в текстовой структуре изучаемого литературного памятника.

Великий киевский князь Владимир Мономах начинает «Поучение» (если не брать во внимание вступление) цитатами из Давидовых псалмов: «собрах словца си любая, и складохъ по ряду» [4, с. 215]. Компилирование стихов Псалтири свойственно в целом древнерусской книжности и заимствовано из византийской традиции, восходящей к трудам Отцов Церкви. По словам Е. Б. Рогачевской, возможность сокращений отрывков из Св. Писания, их перестановок, объединения отдельных цитат в большие смысловые фрагменты «во многом определялось бытованием Священных текстов в церковной практике и в служебных книгах, где они приводились не в порядке их следования в Ветхом и Новом Заветах, а тематически» [5, с. 195].

Как убедительно показал в детальном исследовании «Поучения» Н. В. Шляков, Владимир Мономах был не вполне самостоятелен в выборе текстов Псалтири: для цитатного фрагмента, открывающего «Поучение», он отбирает псалмы, входящие в состав служб 1-й недели Великого поста [8]. С этим выводом соглашаются В. Л. Комарович и Д. С. Лихачев. Н. В. Шляков выдвигает предположение, что «Поучение» князь Владимир писал «на этой (1-й) неделе после повечерья четверга или утрени пятницы и, вероятнее, готовился в это время к Причащению», занимаясь «духовными предметами» перед принятием Святых Тайн, в соответствии с наставлениями Св. Отцов [8, с. 68]. Ученый подчеркивает, что, безусловно, «не первая неделя вложила в него идеи, заключенные в его Поучении, но Богослужение в течение ее вызвало их на поверх-

ность сознания и дало возможность привести их в некоторую систему» [8, с. 92]. Время Великого поста — период наиболее напряженного духовного делания, покаяния и труда ради спасения души [2]. Можно предположить, что князь Владимир решил «въ время се» все им пережитое и не единожды передуманное вложить в «поучение детям». Собственно говоря, Мономах желает тому же научить детей и читателей, к чему призвано привести человека воздержание, самоограничение, аскеза, а Великий пост — в особенности. Поэтому наряду с цитатами из ветхозаветных пророчеств, сочинений Св. Отцов, покаянных молитв он обращается к тексту псалмов, входящих в состав великопостных служб, то есть ориентируется на литургический опыт Православной Церкви. Сила русского духа измеряется продолжительностью великопостной службы, в которой богослужебный текст, соединяясь с мелодией церковного пения, становится «конденсированной поэзией» (Н. С. Гумилев). Псалмопение и Богослужение Великого поста определили эмоциональную, смысловую и структурную основу произведения Мономаха.

На близость Владимиру Мономаху идей и настроений Великого поста указывает написанное еще в 1096 г. письмо к князю Олегу Святославичу Черниговскому, завершающее «Поучение»¹. К древнерусской книжности, на наш взгляд, применима формула, с помощью которой С. С. Аверинцев определяет древнееврейскую книжность: «мышление-не-о-мире», а «мышление-в-мире» и «слово-не-о-жизни», а «слово-в-жизни» (мудрость, а не философия, словесность, а не литература в современном понимании) [1]. Для древнерусской книжности не вполне адекватно определение «литература», а тем более «художественная литература», именно потому, что она генетически вырастает из библейской традиции. Духовная словесность Нового времени, церковная книжность вплоть до настоящего времени типологически остается тем же явлением. Однако историческая конкретность и ситуативная обусловленность текста оставляют возможность поэтико-семиотического подхода к анализу.

¹ Мы не затрагиваем вопрос о составе «Поучения», о том, является письмо частью «Поучения» или нет. Обобщение этого вопроса см. в [4, с. 276–279].

Письмо к Олегу Святославичу — князю, убившему в междоусобной войне сына Владимира Мономаха, — наиболее полно воплощает идею покаяния и прощения, «милости» (в качестве примера для подражания князь Владимир приводит покаяние царя Давида: «Не крове дѣля пролитья помазаникъ Божии Давидъ, прелюбодѣянье створи(въ), посыпа главу свою и плакася горко — во тѣ час отда ему согрѣшенья его Богъ» [4, с. 271]). В разрез с общей эпистолярной традицией письмо начинается не с традиционного вводного риторического топоса самоуничужения автора, а с его самоопределения, обозначения собственной нравственной позиции: «О, многострастныи и печальны азъ! Много борещися сердцемъ, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане тлѣньнѣ суци. Помышляю, како стати пред Страшным Судьею, каянья и смѣренья не приимши межю собою» [4, с. 269].

Нравственное самоопределение Владимира Мономаха отсылает адресата письма к их общей с автором экзистенциальной природе («Ибо я человек», — пишет Мономах) и предопределяет систему координат: Бог — человек — враг, в которой осмысливаются произошедшие трагические события.

Найдя духовную опору в Св. Писании, Владимир Мономах поднимается над «многострастностью» отцовского чувства: «Молвить бо иже: „Бога люблю, а брата своего не люблю“ — ложь есть. И паки: „Аще не отпустите прегрѣшении брату, ни вам отпустить Отецъ вашъ Небесныи“. Пророкъ глаголетъ: „Не ревнуи лукавнующим, ни завиди творящим безаконье“; „что есть добро и красно, [еже жити] братья вкупѣ“. Но все дьяволе наученье» [4, с. 269]. Кровный и политический враг в пределах земной жизни в эсхатологической системе координат перестает им быть, но становится братом во Христе, причем братом, с которым великий князь соединен и родственными узами.

Центральная идея письма в контексте всего «Поучения» — идея Божьего Суда, что обусловлено православным эсхатологическим мироощущением автора, а также трагизмом кризисной эпохи (раздробленности Руси конца XI — начала XII в.) и трагизмом жизненной ситуации князя. Владимир Моно-

мах и в 1096 г., когда было написано письмо, и во время составления и редактирования «Поучения» (до 1117 г. или 1123 г. [4, с. 249]) живет с ощущением близкой смерти — либо во время битвы, либо по своему преклонному возрасту.

Границы земного существования в представлениях средневекового человека соотносятся со знакомым и обжитым географическим пространством. Выход за пределы ойкумены в инобытийную пространственную или трансцендентную область предполагает обновление истории, возможность для человека начать ее заново в новом качестве. В буквальном переводе с греческого языка «покаяние» («метанойя») — «перемена ума»: преобразование человека, предполагающее его переход в новое качество. Ожидание личного суда, эсхатологическая перспектива, заставляет автора двигаться «по кругу» в ценностно-смысловой системе координат, совпадающей с пространственно-временной системой: от прошлого к настоящему и будущему (за пределы земной жизни) и обратно. В целом создается ощущение многократного повторения, несмотря на малый объем текста. Это «круговое» движение мысли психологически объяснимо трагической ситуацией и многокомпонентностью авторских задач:

— Утверждение невинности, оправдание перед человеком (братом): «...нѣсмь ти ворожити, ни мѣстникъ. Не хотѣхъ бо крови твоя видѣти у Стародуба (...ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба)» [4, с. 272].

— Исповедь, покаяние и перед человеком, и перед Богом: «Оли то буду грѣх створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову поганых дѣля, ли того с якаю, да то языком братьи пожаловахъ, и паки е повѣдах, зане человекъкъ есмь (Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек)» [4, с. 272].

В церковнославянском языке слово «исповедать» имело и имеет два смысловых оттенка:

— объявлять, открыто признавать свои грехи;

— открыто прославлять Бога, свидетельствовать веру, а также пострадать за такое признание веры [3, с. 228].

Слово «грех» в буквальном переводе с греческого означает «промах». Промах возможен, когда есть цель, в духовном смысле — Идеал. Покаяние и утверждение веры — два взаимообусловленных процесса, потому что один без другого не может быть осуществлен. Поэтому и покаянное письмо Владимира Мономаха органично становится поучением и исповедническим деланием. Жанровый синтез исповеди и поучения находит выражение во всем тексте «Поучения» в том, что примеры из Священной или отечественной истории, обращение к авторитету Св. Писания сопряжены с поучением, основанным на личном примере сложнейшего нравственного выбора самого автора [6, с. 9–10; 7, с. 148].

Идея нравственного выбора — смысловой стержень всего сочинения Владимира Мономаха. В письме эта идея объясняет композицию и внутреннюю логику текста, где, на наш взгляд, могут быть выделены пять смысловых фрагментов:

1. Определение нравственного вопроса, выбора, стоящего перед автором письма, и двух возможных вариантов его разрешения — истинного и ложного. Цитатами из Св. Писания Владимир Мономах обозначает традиционную бинарную оппозицию «праведник — грешник»: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие...».

2. Во второй, трагически напряженной, наиболее эмоциональной части письма определены семейные связи между Изяславом (убитым сыном Мономаха), Олегом Черниговским (крестным отцом Изяслава) и самим князем Владимиром. Мономах отсылает адресата/слушателя/читателя не только к книжным текстам (цитаты из покаянных псалмов), но и к фольклорной традиции — к обрядам жизненного цикла (традиционное для похоронного плача «Увы, мне!», образ снохи как горлицы, плачущей на дереве). Именно в концепте семьи воплощена сложность выбора, стоящего перед автором.

3. По контрасту далее Мономах сдержанно и сурово вспоминает исторический опыт Руси и обращается к событиям, предше-

ствовавшим смерти сына: «Тѣм бо путем шли дѣди и отци наши. Судъ от Бога ему пришелъ, а (не) от тебе <...> Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку? Ти лѣпше суть из мерли и роди наши» (Тем ведь путем шли деды и отцы наши. Суд от Бога пришел ему, а не от тебя <...> Дивно ли, если муж пал на войне? Умирили так лучшие из предков наших) [4, с. 271–272]. Опыт отцов дает психологическую опору Мономаху в его выборе, эсхатологическая перспектива — духовную опору.

4. Преодоление «многогострастности» потерявшего сына отца приводит в четвертой части письма к покаянию и утверждению в принятом решении: «Понеже не хочу я лиха, но добра хочу братъи и Русьскѣи земли (Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле)» [4, с. 272].

5. Наконец, итоговое обращение: «Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая по Бозѣ, сам услышишь. Но душа ми своя лутши всего свѣта сего (Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего)» [4, с. 272]. Внутренне определяющая логику всего текста надежда на спасение души открыто звучит только здесь (спасение как результат нравственного выбора).

Единство настроения письма и предшествующего текста «Поучения», созвучность выписок из Псалтири, которые и в первом, и во втором случае открывают текст, не вызывает сомнения. Письмо и наставления Владимира Мономаха о поведении, обязанностях человека-христианина, и князя-христианина в особенности (по отношению правителя к подданным и подданных — к другу другу, каждого — к самому себе и к Богу), есть конкретное применение к повседневной жизни идей, заложенных в избранных стихах из Псалтири и определяемых логикой Богослужения. Это необходимость «тружиться» для спасения души, покаяние, упование на Бога, прошение о помощи и радость Его прославления. Если Священное Писание отвечает на все вопросы, которые ставит перед человеком его историческое бытие, особое значение приобретает поиск злободневных поучений, изъятых из апофатического контекста.

Письмо к Олегу Святославичу, вошедшее в состав поучения детям и всем, «кто слышавъ сю грамотицю», обращенное к политическому противнику, но не содержащее ни одного политического требования, отражает общие характеристики православного служебного

текста — соборность и эсхатологизм («Душа ми своя лутши всего свѣта сего»). В жанровом синтезе «Почения» чрезвычайно важен литургический опыт Богообщения, когда публичное пространство послания заставляет автора говорить «как пред Богом».

Natalya N. BEDINA

Cand. Sci. (Russian Literature), Assoc. Prof., Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation, bedina-nat@yandex.ru

Vladimir Monomakh's "Homily" in the Context of the Spiritual Content of Great Lent

Abstract. The aim of the study is to return to N.V. Shlyakov's idea on the inner connection of Vladimir Monomakh's "Homily" with the Lenten Liturgy and to determine the main semantic components in the text of this literary monument, which was the main source of the research. The study uses the method of structural-semantic analysis of the text. Monomakh selected quotes from the Psalms on the basis of the psalms that are part of the services of the first week of Great Lent, so the author suggests that the "Homily" was written around this period of the liturgical cycle. The author points to Monomakh's closeness to the ideas and moods of Great Lent, which is manifested, in particular, in a letter to Oleg Svyatoslavich of Chernigov, the prince who killed Monomakh's son in an internecine war. The concepts laid down in the text of this letter, which concludes Monomakh's Homily and relates to moral self-determination, Christian fraternity, and God's judgment, are successively analyzed. The dominance of eschatological ideas is explained by Monomakh's Orthodox worldview, the sociopolitical situation in Russia (the collapse of a single state, the strife of the princes, etc.), and the tragic life situation Monomakh found himself. The expectation of a judgment on his soul makes him move "in a circle" from the past to the present and future (beyond the limits of earthly existence) and back when presenting his thoughts. The goals Monomakh achieved in a letter to Prince Oleg are revealed: the justification and assertion of innocence before his brother (man). Based on the double interpretation of the word "confession" in Old Russian, the author of the article notes that Monomakh's letter is both a homily and a repentance. The semantic core of the entire composition is the moral choice of the prince. The author singled out five semantic points in Monomakh's letter: the definition of a moral choice and its two options, an appeal to the concept of a family, an appeal to the experience of previous generations, repentance and expression of hope for the salvation of the soul. The author comes to the conclusion that the semantic, structural and emotional core of Monomakh's work consisted in the ideas underlying Great Lent, the corresponding psalms and church services. Vladimir Monomakh's letter to Oleg Svyatoslavich reflects the general characteristics of the Orthodox liturgical text: sobornost and eschatology, while the semantic space of the message is identified with the space of communication with God.

Keywords: Vladimir Monomakh, "Homily", service text, church service, semantic structure, sobornost, eschatology, moral choice.

Использованная литература:

1. Аверинцев С. С. Западно-восточный генезис литературных канонов византийского средневековья // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М.: Наука, 1971. С. 152–191.
2. Великий пост [Электронный ресурс] // Древо. Открытая православная энциклопедия. URL: <https://>

References:

1. Averintsev, S.S. (1971) Zapadno-vostochnyy genезis literaturnykh kanonov vizantiyskogo srednevekov'ya [The West-East Genesis of the Literary Canons of the Byzantine Middle Ages]. In: Rifting, B.L. (ed.) *Tipologiya i vzaimosvyazi srednevekovykh literatur Vostoka i Zapada* [Typology and Relations of Medieval

drevo-info.ru/articles/163.html (дата обращения 15.08.19).

3. Дьяченко Григорий, свящ. Объяснения воскресных и праздничных евангелий всего года, читаемых на литургиях и всенощных бдениях, с подробными догматическими и нравственными выводами: В 2 ч. Ч. 1: Объяснение воскресных евангелий, читаемых на литургии и утрени. [Репр. изд.]. М.: Изд-во Сретен. монастыря, 1997.

4. Карпов А. Ю. Великий князь Владимир Мономах. М.: Молодая гвардия, 2015.

5. Рогачевская Е. Б. Библейские тексты в произведениях русских проповедников // Герменевтика древнерусской литературы. 1992. №3. С. 181–195.

6. Филипповский Г. Ю. «Поучение» Владимира Мономаха: поэтика жанра // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 2. С. 8–13.

7. Филипповский Г. Ю. «Поучение» Владимира Мономаха: проблемы жанра // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 148–149.

8. Шляков Н.В. О Поучении Владимира Мономаха. СПб.: тип. В.С. Балашева и К°, 1900.

Literatures of the East and the West]. Moscow: Nauka. pp. 152–191.

2. Drevo. An Open Orthodox Encyclopedia. (n.d.) *Velikiy post* [Great Lent]. [Online] Available from: <https://drevo-info.ru/articles/163.html>. (Accessed: 15.08.2019).

3. D'yachenko, G., priest. (1997) *Ob'yasneniya voskresnykh i prazdnichnykh evangeliy vsego goda, chitaemykh na liturgiyakh i vsenoshchnykh bdeniyakh, s podrobnymi dogmaticheskimi i npravstvennymi vyvodami: V 2 ch.* [Explanations of Sunday and Holiday Gospels of the Whole Year, Read at Liturgies and All-Night Vigils, With Detailed Dogmatic and Moral Conclusions: In 2 Parts]. Pt. 1. Reprint. Moscow: Izd-vo Sreten. monastyrya.

4. Karpov, A.Yu. (2015) *Velikiy knyaz' Vladimir Monomakh* [Grand Duke Vladimir Monomakh]. Moscow: Molodaya gvardiya.

5. Rogachevskaya, E.B. (1992) Bibleyskie teksty v proizvedeniyakh russkikh propovednikov [Biblical Texts in the Works of Russian Preachers]. *Germevntika drevnerusskoy literatury*. 3. pp. 181–195.

6. Filippovskiy, G.Yu. (2017) Vladimir Monomakh's "Homily": Genre Poetics. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik – Verkhnevolzhski Philological Bulletin*. 2. pp. 8–13. (In Russian).

7. Filippovskiy, G.Yu. (2017) "Pouchenie" Vladimira Monomakha: problemy zhanra [Vladimir Monomakh's "Homily": Problems of the Genre]. *Drevnyaya Rus': Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 3 (69). pp. 148–149.

8. Shlyakov, N.V. (1900) *O Pouchenii Vladimira Monomakha* [On Vladimir Monomakh's "Homily"]. St. Petersburg: tip. V.S. Balasheva i K°.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Бедина, Н. Н. «Поучение» Владимира Мономаха в контексте духовного содержания Великого поста / Н. Н. Бедина // Наследие веков. – 2020. – № 1. – С. 82–87. DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.007

Full bibliographic reference to the article:

Bedina, N. N. (2020) Vladimir Monomakh's "Homily" in the Context of the Spiritual Content of Great Lent. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 82–87. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.007